

Акимова Татьяна Ивановна

"ПАМЯТЬ" О ЛИТЕРАТУРНОМ ДИАЛОГЕ ЕКАТЕРИНЫ II И Г. Р. ДЕРЖАВИНА В ДРУЖЕСКОМ ПОСЛАНИИ КОНЦА XVIII - НАЧАЛА XIX ВЕКА

Статья раскрывает становление жанра дружеского послания как программного жанра русской дворянской поэзии 1790-х - 1820-х годов. Берущее свое начало из литературного диалога Екатерины II и Г. Р. Державина о приватной жизни дворянина, послание в пост-екатерининскую эпоху отразило личностную независимость и дворянской личности и сообщества в усадебном мире. Ярким проявлением дворянской независимости стало свободное поэтическое перенесение в волшеббно-сказочный мир, заданное сказочным зачином в державинской "Фелице".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2010/3/5.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2010. № 3 (7). С. 21-26. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2010/3/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

THE MAIN PRINCIPLES OF IRINA SNEGOVA'S INTERPRETATION SKILL

Zarui Gevorkovna Ayryan, Ph.D. in Linguistics, Associate Professor

*Department of Social Sciences
Russian State University of Tourism and Service, Branch in Yerevan (Republic of Armenia)
nerses91@rambler.ru*

The article is devoted to the coverage of translation principles of the Russian poetess – Irina Snegova who made a great contribution into the development of Russian-Armenian literature interconnections. I. Snegova followed the character of an original and its intonation while translating. She lived in the world of the poet whose verses she had been translating; she followed the feelings of the poet. She admired the sincere verses of Ovanes Shiraza about motherland, mother and love. In this article I. Snegova's translations of O. Shiraza's and V. Davtyan's poetry are considered as they are marked by emotional nuance and are the samples of the lofty poetry.

Key words and phrases: poetry; translation; original; literature interconnections; rhyme; intonation; interpretation skill.

УДК 821.161.1-155

Статья раскрывает становление жанра дружеского послания как программного жанра русской дворянской поэзии 1790-х - 1820-х годов. Берущее свое начало из литературного диалога Екатерины II и Г. Р. Державина о частной жизни дворянина, послание в пост-екатерининскую эпоху отразило личностную независимость и дворянской личности и сообщества в усадебном мире. Ярким проявлением дворянской независимости стало свободное поэтическое перенесение в волшебном сказочный мир, заданное сказочным зачином в державинской «Фелице».

Ключевые слова и фразы: жанр дружеского послания; литературный диалог; дворянин-поэт; самоирония; эпикурейство; фантазия; мечта.

Татьяна Ивановна Акимова, к. филол. н., доцент
*Кафедра русской и зарубежной литературы
Мордовский государственный университет
akimova_ti@mail.ru*

**«ПАМЯТЬ» О ЛИТЕРАТУРНОМ ДИАЛОГЕ ЕКАТЕРИНЫ II И Г. Р. ДЕРЖАВИНА
В ДРУЖЕСКОМ ПОСЛАНИИ КОНЦА XVIII - НАЧАЛА XIX ВЕКА©**

Как известно, «Фелица» (1782) Г. Р. Державина явилась литературным ответом Екатерине II на послание в сочинённой ею «Сказке о царевиче Хлоре» [5], адресованное к освобождённому царицей дворянству. Так, косвенно «Фелица» высвечивала одический фундамент «Сказки о Хлоре», эпически объединяющего собою народ. В то же время образ автора «Фелицы» объединял ряд конкретных придворных персон, которые, в свою очередь, символизировали народ, подлежащий царскому воспитанию: «Таков, Фелица, я развратен! / Но на меня весь свет похож...» [4, с. 36] (здесь и далее курсив мой - Т. А.). Однако образ автора внутренне един. Часть «прихотей» очевидно принадлежала самому поэту:

...Преображая в праздник будни, / Кружу в химерах мысль мою...

...Иль сидя дома я прокажу, / Играю в дураки с женой;

То с ней на голубятню лажу, / То в жмурки резвима порой;

То в свайку с нею веселюся, / То ею в голове ищуся;

То в книгах рыться я люблю, / Мой ум и сердце просвещаю,

Полкана и Бову читаю; / За Библией, зевая, сплю... [Там же].

Описание же прочих «прихотей» - сна «до полудни», кофе и табака, «прельщения нарядом», «пира пребогатого», загородных выездов с «младой девицей», конных скачек, охоты, кабаков («шинков») и пр. [Там же, с. 35-36] - по своей эмоционально-стилистической окраске абсолютно подобно тому, что реально присуще автору «Фелицы».

Державин обращается к царице как от своего имени, так и от имени всего дворянства. Внешне Державин противопоставляет свое сибаритство царскому трудолюбию и скромности:

...Мурзам твоим не подражая, / Почасту ходишь ты пешком,

И пища самая простая / Бывает за твоим столом;

Не дорожа твоим покоем, / Читаешь, пишешь пред налоем...

Подобно в карты не играешь, / Как я от утра до утра.

Не слишком любишь маскарады, / А в клоб не ступишь и ногой;
 Коня парнаска не седлаешь, / К духам в собранье не въезжаешь...

Но, кротости ходя стезею, / ...Полезных дней проводишь ток... [Там же, с. 34] - собственное сибаритство «прихотей раба». Однако затем Державин обнаруживает чудотворную благость Фелицы не в строительного государственной мощи, как это полагалось в хвалебной оде, начиная с Ломоносова. Она состоит, в первую очередь, в **отказе от деспотии**:

...Слух идет о твоих поступках, / Что ты нимало ни горда,
 Любезна и в делах и в шутках... /... Что будто завсегда возможно
 Тебе и правду говорить.

Неслыханное также дело, / Достойное тебя одной,
 Что будто ты народу смело / О всем, и въявь, и под рукой,
 И знать, и мыслить позволяешь...

...можно пошептать в беседах, / И казни не боясь, в обедах
 За здравие царей не пить.

...с именем Фелицы можно / В строке описку поскоблить,
 Или портрет неосторожно / Ее на землю уронить... [Там же, с. 37-38].

Деспотия несовместима с **уважением к личности**, присущим Фелице:

Там свадеб шутовских не парят, / В ледовых банях их не жарят,
 Не щелкают в усы вельмож, / Князя наседками не клохчут,

Любимцы въявь им не хохочут, / И сажей не марают рож... [Там же, с. 38].

Из уважения Екатерины к личности вытекает, по мнению Г. Р. Державина, **снисхождение к ее слабостям**.

В конечном счете, фундаментом благостей Фелицы-Екатерины оказывается **освобождение личности**, и прежде всего, - дворянской. То есть - подтверждение «Манифеста о вольности дворянства» 1762 года:

...Фелицы слава, слава Бога... /... Который даровал свободу

В чужие области скакать, / Позволил своему народу

Сребра и золота искать... / Который... / Развязывая ум и руки,

Велит... /...счастье дома находить... [Там же, с. 39].

В качестве образца разумной скромности и неустанного трудолюбия, царица выступает не только источником, но и своеобразной редуцирующей рамкой эпикурейской жизни своего «мурзы», побуждая его жить не только «пышно», но и «правдиво» и не позволяя его **слабостям** перейти в **пороки**, вредящие ему самому и другим. Главное «наставленье», которое мурза ждет от Фелицы, - касается **меры**, пропорции удовольствия и пользы, в которой и состоит счастье:

...Поддай, Фелица, наставленье: / Как *пышно* и *правдиво* жить?

Как укрощать страстей волненье / И счастливым на свете быть [Там же, с. 34]?

В лице Державина Екатерину хвалит не придворный гимнопевец, а свободный, точнее, освобожденный царицей дворянин, в дружеском послании рассказывающий о собственной эпикурейской жизни, которой он всецело обязан ей. Именно в социальном, правовом, административном и духовном освобождении дворянства состоит его «золотой век» при Екатерине Великой. Екатерина была весьма растрогана «Фелицей». Причина, видимо, состояла в том, что Державин понял царицу как человека (а не только правителя) даже больше, чем та ожидала. А именно: угадал ее желание общаться с «верно-любезным дворянством» на равных, как с подлинно свободными людьми. Поэтому **диалог** одновременно выступает и рамочной **формой** державинской оды как дружеского послания царице, и подспудно главным **предметом** похвалы царице, содержащейся в нем.

«Фелица» стала первым и последним в русской поэзии гармоническим единством оды и дружеского послания. В послании поэт рассказывал царице о своей привольной и эпикурейской жизни, а в оде благодарил ее от имени всего дворянского сообщества за дарованную возможность такой жизни. Этот принципиальный новый литературный модус отношений поэта-дворянина с царицей вызвал безусловный отклик в поэтической среде. Его ярким проявлением стало «Письмо к творцу оды, сочиненной в похвалу Фелицы, царевне Киргиз-кайсацкой» (1783) Е. И. Кострова, который, не будучи дворянином, стремился приобщиться к магистральной линии русской дворянской литературы:

Фелицы именем любезным, драгоценным, / Фелицы похвалой и славой мудрых дел / Начаток сих трудов
 явился украшенным / И в радость и в восторг читателей привел. / Благословенно то начало, / Ее где имя воссияло, / И увенчается успехами конец; / Тому, кто так Фелицу славил / И новый вкус стихам восставил, / И честь, и похвала от искренних сердец [12, с. 280].

Правда, собратья Державина по перу, славя его «Фелицу», зачастую демонстративно дистанцировались от утверждаемого в ней свободного диалога с Екатериной. Так, Н. С. Смирнов в послании «К Мурзе» (1795) намеренно стилизует своё произведение под державинскую Фелицу, вводя заголовок - «Писано в проезд мой через Усть-Каменскую крепость, по просьбе киргизца, против крепости за Иртышом тогда кочевавшего» [10, с. 198]:

А я не строю лиры; / Достойно ей владеть

В себе не вижу силы. / Мурзу не смею петь,

Не смею петь Фелицу... / Как сметь мне из-за *гор*

Нахальный, дерзкий взор / На нашу взвесь царицу?

В том слава вся моя, / Что мысленно ея
Могу лобзать десницу [Там же, с. 199].

И действительно, «Фелица» осталась уникальным памятником равноправного литературного диалога свободного дворянина с освободившей его царицей. Из-за несбывшихся карьерных ожиданий отношения Державина с двором осложнились, а спустя 15 лет окончилась екатерининская эпоха, сделавшая такой диалог возможным и обоюдно желанным. В последующую пору Павла и Павловичей «преобразованный» Державин в «Фелице» жанр дружеского послания стал формой уже не диалога дворянина с монархом, а духовного освобождения от него. Одическая хвала ушла из послания навсегда.

После смерти Екатерины Державин удалился из Петербурга в свое имение Званку в Новгородской губернии. В создаваемой там анакреонтике поэт утвердил тоpos поместной идиллии в качестве не просто озвучаемого в дружеском послании места его создания, но главного источника и предмета поэтического вдохновения. А также - принципиальной альтернативы тиранической и суетной столице: «Зачем же в Петрополь на вольну ехать страсть?..».

Эта смысловая доминанта дружеского послания была унаследована всей русской дворянской поэзией первой трети 19 века. Так, уже в 1790-е годы И. А. Крылов называет «любезное село» не иначе, как «столицей мира дорогого» [9, с. 390], противопоставляемой городу:

...Простите, вы, мои друзья, - / Из недр *спокойства и свободы*

Я еду в мрачный гроб природы, - / Простите, в город еду я [Там же, с. 391].

Поместная идиллия выступала в послании суверенным пространством дворянина; местом его эпикурейской жизни, моделируемой наподобие праздничной царской или даже олимпийской.

Павел, попытавшийся отнять у дворян свободы, дарованные его матерью, был ими уничтожен. Но и в правление Александра, обещавшего, что при нем «все будет, как при бабушке», долг дворянина перед государством был отчетливо противопоставлен и предпочтен двором радостям частной жизни. Поэтому эпикурейство неслужащего дворянина в своем поместье, а тем более его поэтическое отражение было явной формой дворянской фронды в отношении двора. В этом плане дружеское послание утвердило две во многом противоположные смысловые линии: духовного суверенитета дворянской личности и корпоративной солидарности дворян как сообщества избранных, неподвластного монарху. Своеобразным идейным фундаментом такой позиции поэтов начала века выглядит послание Я. Б. Княжнина:

...Вы мыслите напрасно, / Любезные друзья,
Что, роскоши глася / Прельщение опасно,
Ввожу соблазны я. / Собрание прекрасно
Утех мирских, забав / Для нас творец создав,
Нам счастье проливает [8, с. 341].

Сам Княжнин - «Приятель наслаждений»; А. А. Дельвиг - «герой Киприды»; И. А. Крылов - «любитель соловьев». «Игривый юнец» В. В. Капнист провозглашает: «Во младости несуетливой / Без пляски, игр не трать часа; / И плод вкушай любви счастливой» [6, с. 169] - и поет гимн вину:

...Теперь-то, сидя у камина, / Мороз забыть ты нас заставь;
По старшинству их лет и чина / Вели подать венгерски вина,
А прочее богам оставь [Там же].

В то же время, начиная с анакреонтических посланий Державина поместье - единственная область упоения *поэзией* и собственного приобщения ей:

...Возможно ли сравнять что с вольностью златой,
С уединеньем и тишиной на Званке? <...>
Откуда прихожу в святилище я муз
И с Флакком, Пиндаром, богов воссевши в пире,
К царям, к друзьям моим иль к небу возношусь
Иль славлю сельску жизнь на лире [4, с. 199].

Вместе с тем, уже в «Фелице» Державин видит поэзию (в том числе собственную) родом веселой «ума забавы» и удовольствия - и приписывает это понимание поэзии своему царственному адресату:

...Пророком ты того не числишь, / кто только рифмы может плесть...

...Снисходишь ты на лирный лад: / Поэзия тебе любезна,

Приятна, сладостна, полезна, / Как летом вкусный лимонад... [Там же, с. 37].

Такую «пиршественную» природу и роль поэзии подтверждает В. Л. Пушкин в послании «К князю П. А. Вяземскому» (1815):

...С тобою жизни путь украсим мы цветами:
Жуковский, Батюшков, Кокошкин и Дашков
Явятся вечером нас услаждать стихами;
Воейков пропоет твои куплеты с нами
И острой насмежит сатирой на глупцов;
Шампанское в бокал пенистое польется,
И громкое ура веселью разнесется [10, с. 679].

Юный Пушкин многократно признается в своих «любовных» отношениях с музой, рождающих столь же веселые и «необязательные» плоды:

Живу с природной простотой, / С философической забавой
И с музой резвой и младой... / Вот мой камин - под вечер тёмный,
Осенней бурною порой, / Люблю под сению укромной
Пред ним *задумчиво мечтать*, / Вольтера, Виланда читать,
Или в минуту вдохновенья / Небрежно стансы намарать [11, с. 169].

Как уже говорилось, новый век полностью развернул пафос дружеского послания в сравнении с «Фелицей». Но в тоже время послание сохранило, как представляется, внутреннюю, «инстинктивную» память о сказочном поводе «Фелицы» - екатерининской «Сказке о царевиче Хлоре», встроенной им в «Фелицу» в качестве зачина волшебной сказочной поэмы. А вольная жизнь дворянина (в части, касающейся самого Державина) оказывается неотделима от поэтической фантазии / «мечты»: «...Преобращая в праздник будни, / Кружу в химерах мысль мою... / ...Полкана и Бову читаю...» [4, с. 36].

Прежде всего, ключевые символы Фелицы - гора и роза - стали почти непреложными составляющими поместного пейзажа дружеского послания. Причина видится в том, что сам пейзаж «Хлора» предстает, как мы видели, пасторалью, земным эдемом - то есть фактически прообразом поместной идиллии дружеского послания. А. Ф. Воейков, посылая «К Мерзлякову призывание в деревню» (1810), убеждает его, что

Поэты великие, / Вольтеры, Горации,
Любили беседовать / С природою-матерью.
Среди *гор заоблачных* [10, с. 269].

У А. С. Пушкина в «Послании к Юдину» (1815) Захарово соединяет холмы и сады:
На холме домик мой; с балкона / Могу сойти в весёлый сад,
Где вместе Флора и Помона / Цветы с плодами мне дарят [11, с. 168].

Однако гораздо более программным символом поместной идиллии выступает роза. Такова она у И. А. Крылова:

И мысль одна приятна мне, / Чтоб вас увидеть, хоть во сне,
Мои любезны диким *розы*, / И чтоб у вас в густой тени,
Кудрявы юные берёзы, / Воспеть златые сельски дни [9, с. 392].

У Н. П. Николаева в «Послании к князю Николаю Михайловичу Голицыну» (1797) роза - искомый синтезом поместной гармонии:

...Пишу из Горок... но уж где / Природа предо мной в печале
И мертвы образа везде! / Не токмо нет прекрасной *розы*,
Ниже одной зеленой лозы, / На коей был бы цвет живой [10, с. 87].

Н. М. Карамзин в «Послании к Александру Алексеевичу Плещееву» (1794) символизирует в розе уже поэтические радости поместной жизни:

Кто муз от скуки призывает / И нежных граций, спутниц их;
Стихами, прозой забавляет / Себя, домашних и чужих;
От сердца чистого смеется / (Смеяться, право, не грешно!)
Над всем, что кажется смешно, - / Тот в мире с миром уживется
И дней своих не прекратит / Железом острым или ядом;
Тому сей мир не будет адом; / Тот путь свой *розой* осветит [7, с. 42-43].

Следует иметь в виду, что «фрондерским» эпикурейством в поместье становится безделье. П. Вяземский кокетничает своей ленью: «Гонители моей невинной лени, / Ко мне и льстивые, и строгие друзья [2, с. 71]!» Ср. его послание «К друзьям» (1814):

О, дайте мне, друзья, под безмятежной сенью,
Куда укрылся я от шума и от гроз,
На ложе сладостном из маков и из роз,
Разостланном счастливой ленью,
Понежится ещё в безвестности своей [Там же, с. 72]!

Безделье предстает блаженством, венчаемым сном. Ср. в обращении к деревенским друзьям у И. А. Крылова:

Когда у вас на небосклоне / Потухнет алая заря
И, сон приятный вам даря, / *Ночь сядет на сапфирном троне;*
Уныло зашумят леса / И, в хороводах звёзд прекрасных,
В одеждах бледно-жёлтых, ясных, / Взойдёт луна на небеса;
Проступит бледность на вершинах / И, серебром светясь, туман
Расстелется у вас в долинах, / Как утром тихий океан, -
Тогда, не зная что заботы, / Невозмущённые тоской,
В роскошных пеленах дремоты / Вы сладкий вкусите покой [9, с. 392].

Это «предсонное» собственно сонное блаженство и становится временем и условием прихода поэтической фантазии - «мечты». Ср. в вышеприведенном пушкинском «Послании к Юдину»:

Меж тем как в келье молчаливой / *Во плен отдался я мечтам,*
Рукой беспечной и ленивой / Разбросив рифмы здесь и там,

Я слышу топот, слышу ржанье. / Блеснув узорным черпаком,
 В блестящей ментии сиянье / Гусар промчался под окном...
 И где вы, мирные картины / Прелестной сельской простоты?
 Среди воинственной долины / *Ношусь на крыльях я мечты.*
 При этом «крылья мечты» уносят поэта именно волшеббно-сказочный мир:
 ... тихо наконец / Томленье сна на очи упало.

Тогда толпой с лазурной высоты / На ложе роз крылатые мечты,
 Волшебники, волшебницы слетали, / Обманами мой сон обворожали.
 Терялся я в порыве сладких дум; / В глуши лесной, среди муромских пустыней
 Встречал лихих Полканов и Добрыней, / И в вымыслах носился юный ум... [11, с. 169-170].

Программным единством послания о поместной жизни и апологии поэтической «мечты» выступает послание К. Н. Батюшкова «Мои пенаты» (1811-1812) и две редакции его элегии «Мечта».

Обращаясь к Богам, поэт рассказывает о своём даре, который и делает скромную обитель пригодным для Хранителей домашнего очага:

Отчески пенаты, / О, пестуны мои! <...>
 Где странник я бездомный, / Всегда в желаньях скромный,
 Сыскал себе приют. / О боги! Будьте тут
 Доступны, благосклонны! / Не вина благовонны,
 Не тучный фимиам / Поэт приносит вам,
 Но слёзы умиления, / Но сердца тихий жар
 И сладки песнопенья, Богинь пермесских дар [1, с. 134]!

Однако и вольная поэтическая фантазия на лоне природы становится предметом и поводом для веселой самоиронии - как, например, у П. А. Вяземского:

Мы здесь окружены толпой / Обманутых любовников печальных!..
 ...Но первый их экспромт разрушил мир волшебный,
 И рифмы-коршуны, в них впившись, их грызут.
 Быть может, удалось крылатым вдохновеньем
 И мне подчас склонять на робкий глас певца
 Красавиц, внемлющих мне с тайным умиленьем,
 Иль, на беду его, *счастливым выраженьем*
 Со смехом сочетать прозвание глупца [2, с. 72].

Таким образом, в жанре дружеского послания происходит осмысление поэтами рубежа XVIII-XIX веков своего дворянского статуса как личностно свободного и творчески реализуемого.

Список литературы

1. Батюшков К. Н. Полное собрание стихотворений. М.-Л.: Советский писатель, 1964. 353 с.
2. Вяземский П. А. Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1986. 544 с.
3. Дельвиг А. А. Стихотворения. М.: Советская Россия, 1983. 288 с.
4. Державин Г. Р. Сочинения. Стихотворения. Записки. Письма. Л.: Художественная литература, 1987. 503 с.
5. Екатерина II. Сказка о царевиче Хлоре. СПб.: Академия Наук, 1782. 22 с.
6. Капнист В. В. Собрание сочинений: в 2-х т. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. 1. 771 с.
7. Карамзин Н. М. Избранные сочинения: в 2-х т. М.: Художественная литература, 1964. Т. 2. 592 с.
8. Княжнин Я. Б. Избранное. М.: Правда, 1991. 384 с.
9. Крылов И. А. Басни, проза, пьесы, стихи. Л.: Лениздат, 1970. 415 с.
10. Поэты 1790-х - 1810-х годов. Л.: Советский писатель, 1971. 911 с.
11. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1937. Т. 1. 531 с.
12. Русская литература. Век XVIII. М.: Художественная литература, 1990. Т. 1. Лирика. 734 с.

“MEMORY” OF LITERATURE DIALOGUE OF EKATERINA II AND G. R. DERJAVIN IN THE FRIENDLY MESSAGE OF THE END OF THE XVIIITH – THE BEGINNING OF THE XIXTH CENTURIES

Tatyana Ivanovna Akimova, Ph.D. in Linguistics, Associate Professor

Department of Russian and Foreign Literature
 Mordvinian State University
 akimova_ti@mail.ru

The article reveals the formation of friendly message genre as the programme genre of Russian noble poetry in the 1790s–1820s years. Starting with the dialogue of Ekaterina II and G. R. Derjavin about the private live of a noble man the message revealed the personal independence of a noble personality and the community of estate world during the post-Ekaterina period. The bright example of noble independence became the free poetic transference into the fairy world first created in “Felitze” by G. R. Derjavin.

Key words and phrases: friendly message genre; literature dialogue; noble man - poet; self-irony; Epicureanism; imagination; dream.

УДК 81-13

Статья посвящена проблеме поиска универсальных феноменов в концептуальной системе человека. В работе обобщаются мнения представителей когнитивной лингвистики и лингвокультурологии, предпринимается попытка определить принципы выделения универсальных концептов.

Ключевые слова и фразы: универсалия; лексико-семантический уровень; когнитивная система; фундаментальные концепты; признаки универсальности концептов; принципы их выделения.

Олег Анатольевич Александров, к. филол. н., **Ольга Александровна Андреева**

Кафедра немецкого языка, Кафедра романо-германской филологии

Томский политехнический университет, Томский государственный педагогический университет

aleksandrov@tpu.ru, andrejewa188@sibmail.com

УНИВЕРСАЛЬНЫЕ КОНЦЕПТЫ В КОГНИТИВНОЙ СИСТЕМЕ ЧЕЛОВЕКА©

Термин «универсальный» (или «всеобщий») с давних пор употребляется в философии в одном ряду с терминами «особый» и/или «индивидуальный». Данная дихотомия активно используется в других дисциплинах гуманитарного цикла, в частности в языкознании.

Универсальные закономерности интересовали еще философов-грамматистов средневековья, которые были убеждены в том, что различия между языками не могут отменить универсальной природы человеческого мышления. Они считали, что люди, независимо от их индивидуальных особенностей, мыслят одинаково. Поэтому при составлении универсальных грамматик ученые исходили из единой системы понятий, отражающих структуру мира.

Возрождение интереса к идеям В. Гумбольдта о мировоззренческом характере языка побуждает современных исследователей языка концентрировать свое внимание преимущественно на идиоэтническом в языке, на том, что индивидуализирует, составляет своеобразие языка. При этом изучение универсального в языках мира отодвигается на второй план, хотя существование этого общего объединяющего компонента сомнений у большинства лингвистов не вызывает. Так К. Леман пишет, что за бесконечным поражающим многообразием языков мира скрываются общие для всех них свойства. При всем безграничном несхождении оказывается, что языки созданы как бы по единому образцу - «языку, который проявляет себя в виде конкретных языков» [10, с. 184]. Таким образом, выявление и описание универсального компонента в языке остаётся актуальной исследовательской задачей, т.к. это поиск общей понятийной базы, соединяющей культуры и общества.

Анализ работ по универсалии таких авторов как Ю. В. Рождественский, Б. А. Успенский, Н. Б. Мечковская, Ч. Ф. Хоккет и др. показал, что существует множество классификаций универсалий, в основу которых положены оппозиции по следующим признакам: способ формулирования (дедуктивные и индуктивные), степень универсальности (полные, или абсолютные, и неполные, или статистические), логическая форма (простые и имплицитивные), статико-динамический параметр (синхронические и диахронические, динамические), отношение к семиотической системе (языковые и неязыковые), языковой уровень (фонетико-фонологические, морфологические, синтаксические, лексико-семантические). Необходимо отметить, что универсальные феномены разных языковых уровней разработаны на сегодняшний день не в одинаковой степени. Так лексико-семантическая универсалия в целом развита менее основательно, чем грамматическая универсалия (понятие «семантическая универсалия» было введено в научный оборот в 1970 г. С. Ульманном)

В настоящее время попытки выявить универсальные вербализованные смыслы предпринимают также представители антропоцентрических направлений современной науке о языке - когнитивной лингвистики и лингвокультурологии, изучающих язык в его связи с человеческим сознанием и культурой. Центральным понятием для этих дисциплин является понятие «концепт». Т.к. определение концепта до сих пор остаётся спорным, обобщим его различные дефиниции, представленные в антропологически ориентированных направлениях лингвистики: концепты обладают ментальной природой, характеризуются свойством аккумулировать знания этноса об окружающей действительности, они способны находить выражение как в языке, так и во внеязыковых средствах. Таким образом, концепт представляет собой ментальную репрезентацию знания человека о действительности, несущую культурную информацию и находящую свое выражение в различных знаковых системах (см. об этом подробнее работы В. И. Карасика, Г. Г. Слышкина, Е. С. Кубряковой, А. П. Бабушкина и др.)

Поиск универсального и индивидуального в национальных концептуальных системах сформировал разное мнение у лингвистов на этот счёт. Так, некоторые исследователи утверждают, что различия в когнитивных системах различных народов могут быть настолько существенны, что вполне способны серьёзно затруднить межкультурное и межэтническое взаимопонимание [15].